

УДК 94(510).03–04 + 94(517)"10/12"

**«КОГДА СИЛЫ ГОСУДАРСТВА СТАЛИ... НИЧТОЖНЫМИ».
КРИЗИС И ПАДЕНИЕ «ДУАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ» ДА ЛЯО**

С. А. Васютин

**«WHEN THE STATE POWER BECAME... LOW».
CRISIS AND FALL OF THE DA LIAO "DUAL EMPIRE"**

S. A. Vasyutin

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 33.1175.2014К.

В статье рассматриваются основные причины кризиса и падения киданьской империи Ляо во второй половине XI – начале XII в. Исследование проводится на основе комплексного анализа факторов, определивших снижение жизнеспособности «дуальных» имперских институтов. В статье показано, что второй цикл кризисных явлений (спад в развитии империи), который пришелся на вторую половину XI – начало XII в., оказался более глубоким, и защитные механизмы, которые спасли империю от дезорганизации в конце X века, практически не сработали. Яркими маркерами кризиса стало прекращение завоеваний и ослабление боеспособности армии, утрата сплоченности в императорском окружении, постоянные междоусобицы, замыкание элит, отсутствие доступа к высшим должностям для талантливых советников и военачальников, десоциализация кочевников и т. д. Нельзя не отметить, что среди последних правителей Ляо не нашлось харизматичного лидера, способного объединить ляоское общество для решения насущных внешнеполитических проблем. Но самое главное – не было инновационной программы развития империи, подобной устремлениям киданьских правителей Абаоцзи и Шэн-цзуна. В отличие от многих кочевых империй Средневековья, кидани перешагнули порог сложности в виде длительно существовавших государственных структур и системы эксплуатации ресурсов оседлого населения. Но подобная трансформация разрушала «кочевое начало» в империи, т. е. военно-политическую основу дуальной державы. Многочисленная, но дееспособная армия Ляо не смогла противостоять уступавшим в численности, но консолидированным Агудой войскам чжурчженей, что и предопределило крах империи.

The paper deals with the main causes of the Khitan Liao Empire crisis and fall in the late 11th– early 12th centuries. The research is based on a complex analysis of the factors determining the “dual” empire institutions vitality lowering. The article shows that the second cycle of crisis events (the Empire’s development recession) in the late 11th– early 12th centuries turned to be deeper, and the protection mechanisms which saved the Empire in the late 10th century didn’t work any more. The demonstrative markers of the crisis were invasions termination and weakening of the army, loss of unity in the emperor’s environment, constant internicine quarrelling, elites isolation, absence of access to the high posts for talented councillors and military commandos, desocialization of nomads etc. It should be noted that among the last Liao governors there was no charismatic leader who could unite the Liao society to resolve the actual foreign policy issues. However, the most important marker was the absence of an innovative development program of the Empire similar to the aspirations of Khitan leaders Taizu and Shengzong. In contrast to many nomadic Middle Age empires, Khitans overcame the complexity threshold which was the long existence of the State structures and system of exploitation of the sedentary population resources. Nevertheless, such transformation ruined the “nomadic nature” of the Empire, i. e. military and political basis of the dual empire. Numerous but capable Liao army couldn’t stand against the Jurchens army, less numerous but consolidated by Aguda, which predetermined the Empire fall.

Ключевые слова: дуальная империя Ляо, кризис империи и его причины, падение Ляо.

Keywords: dual Liao Empire, Empire crisis and its causes, the Liao fall.

Никола ди Космо в своей периодизации кочевых империй Центральной Азии показывает последовательную цепочку усложнения имперских образований кочевников:

- 1) «даннические империи» (209 г. до н. э. – 551 г. н. э.);
- 2) «империи, получавшие доход от торговли» (551 – 907);
- 3) «империи дуальной администрации» (907 – 1259);
- 4) «империи прямого налогообложения» (1260 – 1796).

Эти различия, согласно уточнению исследователя, относятся «исключительно» к способности империй «искать и получать большую безопасность и источники внешних доходов, поскольку такое направление

было важно для стабильности правящего класса» [4, с. 210 – 218]. Таким образом, данная эволюция происходила в направлении апробации и усвоения номадами методов изъятия ресурсов у подданных, присущих земледельческим элитам. В этом процессе ключевая роль принадлежит империи Ляо (907 – 1125) – крупному образованию, объединившему степи Монголии, родовые земли киданей в бассейне р. Шара-Мурэн, Бохай, кочевые и полукочевые народы Маньчжурии и северо-восточные провинции Китая. Именно кидани, захватившие северо-восточный Китай, вынуждены были решать вопрос о том, как управлять превосходящим их по численности более чем в три раза китайским населением. Первым опытом господства над земледельцами было назначение Абаоцзи в 926 году размера дани Бохаю: 50 тыс. кусков тонкого полотна,

100 тыс. кусков грубого полотна и 1000 лошадей [6, с. 240; 7, с. 56 – 57]. Очевидно, что кидани в Бохае использовали уже традиционную систему даров и даней, которые в VI – VIII вв. тюрки и уйгуры апробировали в отношении контролируемых ими государств и народов. Несколько иной характер носила фискальная практика в отношении китайских анклавов в родных землях киданей. Здесь китайские мигранты и пленные основали города, учили «организации официальных учреждений», «постройке городов, обнесенных внутренними и внешними стенами», «дворцов» и «домов», «созданию торговых местечек для поселения китайцев». Абаоци еще до узурпации власти выпросил у других киданьских вождей право контролировать г. Ханьчэн (букв. китайский город), жители которого добывали соль и железо [6, с. 42, 43, 348, комм. 11; 7, с. 47; 12, с. 187; 13, с. 176]. Тем самым Абаоци и его окружение получили представление о торговых и сырьевых пошлинах, возможно, о прямом налогообложении. Подобные практики носили пока локальный характер, но они потребовали привлечения китайцев для управления (в окружении Абаоци было немало выходцев из Китая, причем некоторые из них занимали весьма высокие должности, как Хань Янь-хуэй – начальник политических дел и личный помощник Абаоци [12, с. 192 – 193]), и этот опыт в дальнейшем, несомненно, был учтен правителями империи. К первой трети X в. относится и начало активной аккультурации (китаизации) киданей – у них появляются центральные учреждения, письменность и законы [7, с. 47; 13, с. 173].

В правление среднего сына Абаоци Дэгуана (Тай-цзун, 926 – 947) окончательно сложились принципы политики киданей в отношении китайских царств и методы получения китайских ресурсов. Они сочетали дистанционную эксплуатацию (из-за угрозы вторжений китайские правители предпочитали высылать киданям многочисленные дары: Поздняя Цзинь отправляла в Ляо 300 тыс. кусков шелка, золото, колесницы и т. д. [12, с. 198]), военные набеги с грабежами городов и деревень, а также непосредственный захват китайских территорий (в 936 г. в состав Ляо вошли Синьчжоу, Учжоу, Юньчжоу, Инчжоу, Шочжоу и другие области, а в 947 г. Дэгуан, захватив все оставшиеся цзиньские земли, провозгласил империю Великая Ляо [12, с. 181 – 184; 13, с. 180]). Именно при Дэгуане были заложены основы дуальной организации власти в империи. Северная администрация управляла киданями, подчиненными кочевыми и оседлыми народами, а также китайцами, расселившимися на территории киданьских кочевий [12, с. 204]. Возглавлял северную администрацию «северный канцлер» (из правящих кланов Елюй и Сяо), в компетенцию которого входили контроль за армией, наблюдение за государственным сектором экономики, участие в выработке важнейших политических решений. Киданьский нобилитет получал громкие титулы и должности («начальник дворцового секретариата», «начальник политических дел», «председатель верховного военного совета» и др.) [8, с. 182 – 183; 9, с. 10]. Южная администрация появилась в связи с необходимостью осуществлять власть над захваченными китайскими областями. Ее создание преследовало,

можно сказать, утилитарные цели – «собрать в Поднебесной деньги и шелк для награждения войск» [12, с. 204]. Киданьский император в бывшей цзиньской столице лично назначал высших чиновников и губернаторов, в чьи задачи входило управление территориями с китайским населением [12, с. 202 – 204; 6, с. 88 – 92]. Он также рассылал киданей для «выколачивания фуража», «травы и хлеба», но позднее оценил данный эксперимент негативно [13, с. 184], передав эти полномочия местной китайской администрации.

Таким образом, к середине X в. завершается активная фаза создания полиэтничной империи Ляо и ее дуальной администрации, когда «земледельческое и кочевое население управлялось отдельно, согласно принципам, укоренившимся в их собственных обществах и экономиках» [4, с. 213]. Тем самым в киданьских органах управления стали осуществляться государственные функции, особенно быстро разрастался фискальный аппарат, росли ренты и налоги. Империя Ляо приобрела устойчивость, элиты получили регулярный доступ к значительным богатствам, что во многом предопределило стабильность киданьской политики. Т. Барфилд считает «систему дуального управления... краеугольным камнем стабилизации в Китае». Он полагает, что Абаоци как проницательный человек избегал полного перехода управления государством по китайскому образцу, поскольку это могло оттолкнуть кочевников, которые составляли костяк армии [1, с. 140].

В истории империи Ляо прослеживается чередование подъемов (от Абаоци до Дэгуана, а также правление Шэн-цзуна) и спадов (время так называемых «спящих императоров»; период с середины XI в. и до гибели империи в 1123 г.). Спады мы рассматриваем как предкризисные состояния империи, предшествующие кризису (как случилось в первой трети XII в.). Правление «спящих императоров» Му-цзуна (951 – 968) и Цзин-цзуна (968 – 982) [2, с. 25; 3, с. 112 – 113] не привело к кризису, так как сохраняли значение благоприятные внутренние (поступление в казну значительных ресурсов, особенно фискальных доходов южной администрации, «дары» китайских царств и др. вассалов) и внешние (отсутствие противника, способного нанести сокрушительное поражение киданям) факторы, благодаря также переосмыслению предшествующего управленческого опыта императором Шэн-дзуном (982 – 1031) и «вдовствующей императрицей» Яньянь. В результате «возрождение империи» было осознанной политической линией, которая была успешно реализована. Особенно стоит выделить восстановление системы экзаменов для пополнения чиновничьего сословия (988 г.), развитие образовательных учреждений, создание оборонительной линии и сети городов в Монголии. Император Шэн-цзун сумел консолидировать ляоское общество и после череды военных успехов заключить в 1004 г. мир с Сун, по которому кидани стали ежегодно получать 100 тыс. серебряных монет и 200 тыс. кусков шелка. Тем самым в конце X – первой половине XI в. Ляо достигло наивысшего военно-политического могущества. В 1042 г. императору Синцзуну удалось принудить Сун к заключению нового договора с дополнительной ежегодной выплатой еще 100 тыс. серебря-

ных монет и 100 тыс. кусков шелка, а в 1053 г. добиться признания вассального статуса государства тангутов Си Ся [9, с. 16].

Однако, вслед за подъемом конца X – первой половины XI в. империя вновь вступила в период очередного спада и стагнации. Вторая половина XI в. характеризуется в истории Ляо ростом социальных противоречий среди номадов, прекращением завоеваний, конфликтами в элите. Кризис развивался по нескольким направлениям. Прежде всего, следует сказать о социальных изменениях в кочевой среде. Наиболее существенной трансформации подверглась высшая киданьская знать. Возвышение двух ведущих кланов Елюй (клан императора) и Сяо (уйгурский клан императрицы) началось еще в первой половине X в. Постепенно структура этих кланов разрослась. Клан Елюй делился на «пять подразделений» (к ним относилась семья императора) и «шесть подразделений», управлявшиеся великими князьями. Браки представителей кланов Елюй и Сяо с выходцами из других племен киданей исключались. В 1019 г. членам четырех самых знатных линиджей клана Елюй было запрещено жениться на выходцах из младших линиджей императорского рода. В 1029 г. два ведущих линиджа клана Сяо и линиджи «пяти» и «шести» подразделений были объявлены «благородными родами нации» [8, с. 180 – 182; 9, с. 8]. Таким образом, доступ в высшие слои киданьской знати был закрыт, и она обрела сословно-клановую замкнутость. Представители кланов Елюй и Сяо являлись крупнейшими собственниками в стране и занимали наиболее важные военные и гражданские посты в империи. Прекратив участие в военных походах, «китаизированная» элита киданей вела образ жизни, далекий от привычных моделей поведения кочевой аристократии, намечая тем самым разрыв между ценностями знати и рядовых кочевников. Т. Барфилд обращает внимание на то, что киданьская землевладельческая знать, пользуясь своим влиянием, избегала уплаты налогов, ослабляя финансовые ресурсы Ляо. Более того, стремясь к получению огромных доходов или разведению больших табунов лошадей, киданьские латифундисты неоправданно переводили крестьян в арендаторов либо сгоняли их с земель, что в итоге снижало государственные доходы и вело к открытым выступлениям земледельцев [1, с. 144].

К привилегированным общественным группам киданьского населения также принадлежали вожди киданьских племен, их кланы, представители других аристократических родов, неродовитая служилая знать. Для некоторых из них был характерен высокий имущественный статус, но стабильные доходы гарантивались только нахождением на государственной службе. Так сравнительно устойчивым положением обладали члены ордо (киданьской императорской гвардии), располагавшейся в пяти столичных городах. Для них, благодаря военной службе и образованию, оставались каналы социальной мобильности, но продвижение людей незнатного происхождения по служебной лестнице было ограничено.

Положение рядовых номадов в империи Ляо было неоднозначным и противоречивым. С одной стороны, простые кочевники входили в военное ополчение и

тем самым составляли основу армии. С другой – в кочевой среде имперской митрополии (т. е. северных провинций) шли процессы оседания номадов; государство расширяло госсектор, отнимая племенные земли, сгоняя номадов с пастбищ и родовых территорий, солдат пограничной службы заставляли обрабатывать поля и выращивать зерно и т. д. [14, р. 193 – 195; 8, с. 184, 186; 5, с. 113 и др.]. Кидани в монгольских анклавах неоднократно жаловались на разорение кочевых хозяйств во время набегов цзубу, дадань, деле и других северных номадов [6, с. 301; 14, с. 556, 557]. В итоге можно говорить о существенной дифференциации киданьского населения и социальных противоречиях. Однако, до тех пор пока кидани ходили в походы и все их участники получали часть добычи, острота социальных различий не была такой явной. Прекращение завоеваний обнажило огромную пропасть между интересами знати и рядовых номадов и создавало то общественное напряжение, которое объясняет, почему в период агонии империи киданьские воины переходили на сторону чжурчженей [6, с. 183; 7, с. 121, 123].

Еще одной значимой причиной было разорение и обезземеливание китайских крестьян. Подобные тенденции, так же как и рост частного землевладения, рассматриваются как проявление демографических и политических циклов, характерных для традиционного Китая. Исследователи полагают, что подобные изменения сыграли ключевую роль в ослаблении экономики империи [9, с. 16]. Однако, данные С. А. Нефедова, с помощью которых прослеживалась связь между сокращением населения и кризисом Ляо, говорят о том, что китайское население Сун росло вплоть до 1110 г., а его сокращение началось уже в период завоевания чжурчженями киданьских и китайских владений [11, с. 66, рис. 18]. Не располагая другими цифрами, сложно сказать, насколько тенденции демографического развития в Сун и Ляо совпадали. О напряжении в среде китайских земледельцев и протестных настроениях у крестьян свидетельствуют мятежи ханьцев начала XII в. И все же отмеченные явления в социальном развитии Ляо не приобрели черты системного кризиса и не могли оказать фундаментально-го влияния на судьбу империи.

Важный аспект кризиса Ляо – отношения киданей с северными кочевниками в Монголии. Постоянные набеги цзубу, дадань, мэngu, диле заставляли киданьских правителей тратить значительные ресурсы на содержание пограничных гарнизонов, городов и крепостей. Невозможность установления полноценного контроля над степняками к северу от Керулена и Толы создавало постоянное военно-политическое напряжение на этом направлении. Самые талантливые военачальники пытались решить данную проблему, но угроза нападений сохранялась вплоть до начала XII в. При этом военные действия киданей против непокорных номадов провоцировали ответные меры. Так, после атаки киданей в 1092 г. на северных кочевников, цзубу во главе со своим вождем Могусы совершали грабительские рейды по киданьским северовосточным владениям, угоняли скот, захватывали пастбища. Понадобилось 8 лет напряженной борьбы, чтобы присмирить цзубу и схватить их вождя. Но да-

же после его казни столкновения продолжались еще два года [5, с. 117]. Можно констатировать, что после прекращения войн с Сун и Си Ся северное и северо-западное направление внешней политики Ляо было наиболее проблемным, финансово затратным и требовало значительных человеческих ресурсов.

В этом контексте вызрел и конфликт киданей с чжурчженями. Во многом война, завершившая исторический путь Да Ляо, была спровоцирована киданьской политикой и непомерными запросами знати. Чжурчженей принуждали ко все возрастающим поставкам киданям серых соколов, из-за чего чжурчженям приходилось воевать с «государством Пяти племен». В случае отказа вождей чжурчженей «избивали палками и даже убивали» [6, с. 176]. Действия киданьской администрации во многом способствовали росту недовольства в чжурчженской среде, появлению непримиримого лидера Агуды и его сторонников, а в последующем – объединению (как добровольному, так и принудительному) разрозненных чжурчженских племен под главенством Агуды.

В конце XI – первой трети XII в. в политической элите Ляо отчетливо прослеживается утрата асабийи (Ибн Халдуну этим термином обозначал коллективную солидарность правящей элиты), перепроизводство элиты и отказ от агрессивной политики в отношении соседей. Каждую из этих трансформаций следует рассмотреть более детально. Наиболее очевидным был численный рост элиты, особенно кланов Елюй и Сяо. Среди аристократии было распространено многоженство. Обилие детей, рожденных как от жен, так и от наложниц, создавало ситуацию, когда материальные и иные запросы каждого следующего поколения в несколько раз превосходили получаемые материальные блага предшествующего поколения. Все представители знатных родов были потребителями престижной продукции, выступали как претенденты на придворные должности, земельные ресурсы и пр. Поэтому перепроизводство элиты создавало острые противоречия в среде киданьской знати, вело к междоусобным конфликтам и представляло собой реальную угрозу существованию империи. Однако, в хрониках мы не найдем сведений о продолжительных кровопролитных междоусобицах. Мятежи, вроде выступления Елюй Цзун-юаня в 1063 г. [6, с. 156 – 157], быстро подавлялись. Очевидно, что огромные поступления из Сун серебра и шелка по договорам 1004 и 1042 гг., а также внутренние доходы позволяли и во второй половине XI в. удовлетворять постоянно растущие запросы элиты и избежать крупных внутривнутриполитических столкновений (мятежи и провозглашение альтернативных императоров происходило только в условиях агонии империи в 1115 – 1123 гг. [6, с. 182 – 183, 185 – 186, 188 – 189, 194, 199 – 200, 201 – 205, 210 – 212 и др.; 7, с. 120 – 122, 124]). И все же интриги, ложные обвинения в заговорах, убийства, подкупы наполняли придворную жизнь в последние десятилетия существования Ляо [6, с. 156 – 157, 449 – 451, 454 – 455, 469; 7, с. 109 – 114, 117 и др.]. Такие конфликты приобретали системный характер. Они сигнализировали о том, что перепроизводство элиты и утрата асабийи приближались к наивысшей точке. И если на рубеже XI – XII вв. не было открытых столк-

новений киданьских кланов или наследников престола, то это означало, что острейшие противоречия в ляоской элите развивались в полупатентной форме, «подготавливая» изнутри крах империи. Утрата сплоченности знати происходила не только из-за ее противоречивых интересов, стремления к личному обогащению, созданию придворных «партий» и т. п., но и из-за невозможности использования последними правителями Ляо консолидирующих механизмов, традиционно объединявших интересы престижных кланов в кочевых империях – военных набегов на соседних земледельцев. И без того огромные доходы знати свели ее желание организовывать и осуществлять набеги к нулю! Регулярное поступление даней из Сун функционально нанесло киданьской империи не меньший ущерб, чем набеги северных племен или перепроизводство элит.

В киданьской империи происходили социальные процессы характерные для кочевых империй в целом: китаизация, снижение групповой солидарности, численный рост знати, нарастающие противоречия в придворном окружении. Однако относительная стабильность доходов позволяла длительное время сдерживать членов правящих кланов и аристократию от открытых противостояний за власть. В этой ситуации многое зависело от императора. Однако последний киданьский император Тянь-цзо (1100 – 1125) любил наслаждаться охотой, придаваться сладострастию, «пренебрежительно относился к делам управления», мало заботясь о судьбе империи. Он не смог предложить ляоскому обществу «новой имперской идеи», консолидировать его для решения внешнеполитических задач. Е Лун-ли писал о таких правителях, что они «сняли латы и шлемы в женских покоях, а под боком у них возникали поводы для вражды» [6, с. 113]. В результате государство слабело, а империя находилась на грани краха. Император Тянь-цзо еще в 1118 г., после первых захватов чжурчженями киданьских владений приказал собирать богатства и готовился бежать в Сун или Си Ся. Придворные говорили: «Государство Ляо погибнет. Разве, начиная с древности, государи когда-нибудь бросали войска и народ и строили планы о собственном спасении?» [6, с. 193]. Тянь-цзо не только не смог организовать борьбу с чжурчженями, но и сам был источником панических настроений, наносивших большой вред стойкости и духу киданьской армии.

И, наконец, ключевой фактор разгрома чжурчженями киданей – утрата киданьскими войсками боеспособности. Ключевую роль в поддержании обороноспособности империи должны были играть императорская гвардия (до 80 – 100 тыс. всадников) и пограничные войска. На момент столкновения с чжурчженями, гвардейцы, не принимавшие участия в военных действиях с середины XI в., т. е. около 60 лет, привыкли выполнять караульно-церемониальные парадные службы, участвовать в императорских выездах, охотах, праздниках. В свободное время они вели разгульную жизнь, надеясь на повышение в должности. В итоге гвардией к началу XII в. был полностью утрачен опыт ведения боевых действий, организации боевых построений, отлаженных маневров во время наступлений и отступлений. Когда в 1114 г. назрела

чжурчженьская угроза, многие воины, включая представителей императорской гвардии, как пишет Е. Лунли, «хотели принять участие в походе, рассчитывая на награды». С собой они взяли свои семьи, обозы, скот, а когда настало время битвы кидани даже не успели построиться и были разгромлены [6, с. 177].

Пограничные войска включали преимущественно рядовых кочевников и подразделения, состоявшие из зависимых племен и народов. Разорение простых номадов и дезертирство были широко распространены. Такие воины мечтали о набегах на богатые провинции Китая, а не о прозябании на периферии империи и отражении атак цзубу. Во время борьбы с чжурчженями многие воины и их командиры дезертировали, убегали домой [6, с. 179 – 180]. Боясь, что разбежавшиеся воины будут заниматься грабежами и поднимут мятеж, Тянь-цзо издал указ, разрешавший таким солдатам «вернуться к своим занятиям» и освобождал их от наказания». В результате участники походов стали говорить, что «сражение приносит смерть, но не награды, отступление сохраняет жизнь и не считается преступлением» [6, с. 180]. Боевой дух киданей в чжурчженьской компании изначально был подорван действиями императорского двора. Социальные проблемы позднеляоского периода также не могли не отразиться на состоянии армии. Не случайно, что многие воины оказались в мятежной «армии обиженных» [6, с. 191].

Выводы

Киданьская империя Да Ляо (Ляо) отличалась мощным завоевательным импульсом в период ее создания, сравнительно длительным сроком существования (около 200 лет), значительными людскими и материальными

ресурсами, более устойчивой системой власти, развитием государственных институтов, зарождением сословий. Своим территориальным размахом, военно-политической мощью и этническим составом Ляо в полной мере соответствовало понятию «империя». Но и такие имперские политики, основанные номадами, переживали подъемы и спады, рост могущества и кризисы. Пройдя от зарождения империи в первой половине X в. через правление «спящих императоров» к пику своего могущества в конце X – первой трети XI в., Ляо во второй половине XI в. вновь вступает в предкризисную полосу, которая приводит киданьскую державу к общему социально-политическому кризису, а затем и полному краху под ударами чжурчженей. Причины и факторы ослабления Ляо во многом крылись в процессах социальной дифференциации, в сословном замыкании знати и формировании из представителей киданьской аристократии слоя крупных землевладельцев. Рядовые воины, составлявшие основу армии, в результате государственной политики претерпевали нужду, подвергались разорению, вынуждены были нести тяжелую службу на границе с воинственными степняками. Перепроизводство элит, богатевших на основе распределения государственных ресурсов и сунских даней, привело к утрате сплоченности и системным противоречиям в императорском окружении. Последние императоры Ляо, особенно Тянь-цзо, пренебрегали государственными заботами, проводя время в развлечениях. Но ключевую роль в падении империи под ударами чжурчженей следует отнести слабой боеспособности киданьской армии, длительное время не участвовавшей в масштабных походах и во многом утратившей опыт предшествующих поколений номадов.

Литература

1. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. Д. В. Рухлядева, Б. В. Кузнецова. СПб., 2009. 248 с. URL: <http://barfield.narod.ru>. (дата обращения: 12.07.2012).
2. Васютин С. А. Падение Уйгурского каганата и основные пути социально-политической эволюции кочевых обществ Центральной Азии в IX – XI вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4(44).
3. Васютин С. А. Проблемы формирования номадно-оседлого общества в империи Ляо // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 7: История.
4. Ди Космо Н. Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3.
5. Дробышев Ю. И. Политика киданей в Центральной Азии // Общество и государство в Китае. 2010. № 40. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politika-kidaney-v-tsentralnoy-azii>
6. Е. Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи); пер. с кит. В. С. Таскина. М.: Наука, 1979. 607 с.
7. История Железной империи. Новосибирск: Ин-тут археологии и этнографии СО РАН, 2007. 178 с.
8. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 416 с.
9. Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Очир А., Васютин С. А., Данилов С. В., Никитин Ю. Г., Эрдэнэболд Л. Киданьский город Чинтолгой-балгас. М.: Восточная литература РАН, 2011. 173 с.
10. Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Васютин С. А. Киданьские города конца X – начала XI вв. в Центральной Монголии и социальные процессы на периферии империи Ляо // Вестник Томского государственного университета. (Серия: История). 2013. № 2(22). С. 53 – 58.
11. Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2007. 141 с.
12. Оуян Сю. Записи по истории Пяти династий // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху; пер. и комм. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984.
13. Сюэ Цзюйчжэн. Старая история Пяти династий // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху; пер. и комм. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984.
14. Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society. Liao (907 – 1115). Philadelphia: American Philosophical Society, 1949. 752 p.

Информация об авторе:

Васютин Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории цивилизации и социокультурных коммуникаций КемГУ, vasutin@history.kemsu.ru, vasutin2012@list.ru.

Sergey A. Vasutin – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of the History of Civilizations and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 28 июля 2014 г.